

Крестьянские волнения на Волге летом 1892 года

А. К. Егоров

Александр Константинович Егоров, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. E-mail: akegorov@yandex.ru

EDN: OIHHWN

Аннотация. Статья посвящена изучению крестьянских волнений на Волге во время холерной эпидемии летом 1892 года. Вскоре после завершения холерных беспорядков в Астрахани 22 июня 1892 года и исхода из города пришлого рабочего населения начались крестьянские волнения в местностях, расположенных выше по течению Волги, а именно в Астраханской, Саратовской и Самарской губерниях. Крестьяне там отказывались принимать противохолерные меры, пускать в свои селения чиновников и медицинский персонал, а также нападали на людей, подозреваемых в злом умысле против народа. Волнения были вызваны слухами о злоупотреблениях представителей власти и врачей, которые, будучи подкупленными, якобы убивали людей в больницах или отравляли воду и продовольствие. Распространение слухов облегчалось интенсивным судоходством на Волге, которое обеспечивало быстрое продвижение потенциальных подстрекателей вверх по реке. Волнения 1892 года протекали в двух основных очагах, беспорядки в которых, по причине высокой скорости коммуникаций на реке, начались практически одновременно. Первый очаг находился в Нижнем Поволжье, второй — в Среднем Поволжье. Крестьянские волнения 1892 года по составу участников можно разделить на две группы. В первую группу входили волнения, которые фактически были продолжением беспорядков в расположенных рядом городах: Саратове и Хвалынске. Волнения этой группы были смешанными по составу, включая в себя как местное, так и пришлое население. Они отличались жестокостью и человеческими жертвами. Вторую группу составляли крестьянские волнения, которые были вызваны самостоятельными действиями местного населения, без участия постороннего элемента. Они отличались меньшей степенью агрессии и не сопровождалась убийствами. Традиционное крестьянство Поволжья, в отличие от сезонных рабочих и маргиналов в городах, проявило относительную устойчивость к воздействию агрессивных слухов.

Ключевые слова: эпидемия, холера, слухи, отравление, паника, насилие, коммуникация, пути сообщения, Поволжье

Эпидемия холеры 1892 года и народные волнения

Эпидемия холеры 1892 года вызвала серию массовых беспорядков в России, значительная часть из которых произошла в Нижнем и Среднем Поволжье (Колпенский, 1922: 104–113; Cohn, 2018: 191–

198; Frieden, 1981: 135–153). Широкую общественную известность получили холерные бунты в Астрахани, Саратове и Хвалынске, во время которых толпой были убиты люди. Данные события нельзя назвать хорошо изученными в научном смысле этого слова, тем не менее в историографии этим волнениям, а также стоящим особняком холерным бунтам в Ташкенте и Юзовке, было уделено некоторое внимание (Береин, 1952: 344–354; Визе, 2011: 300–320; Henze, 2011: 87–89; Sahadeo, 2005: 117–139; Friedgut, 1987: 245–265). Также историки изучали холерные крестьянские волнения в Центральном Черноземье (Канищев, 2009: 278–311; Фурсов, 1991: 164–166). При этом крестьянские волнения лета 1892 года в Поволжье, связанные с холерой, остались практически не изученными в историографии, находясь в тени городских холерных беспорядков.

Целью статьи является рассмотрение основных эпизодов крестьянских холерных волнений на Волге летом 1892 года на предмет выяснения их главных факторов, основных очагов беспорядков и состава их участников. При этом данные крестьянские волнения будут соотнесены как с холерными волнениями 1831 года, так и с городскими холерными беспорядками 1892 года. В качестве источников использованы документы фондов министерства внутренних дел и министерства юстиции, содержащие большой объем информации об изучаемых событиях.

Эпидемия холеры пришла на Волгу в июне 1892 года. Первый случай холеры в Астраханской губернии был зарегистрирован 13 июня, в Саратовской — 14 июня, в Самарской — 23 июня (Clemow, 1893: 41). Начавшаяся эпидемия наложилась на тяжелые последствия неурожая и голода 1891–1892 годов, которые ударили по Поволжью сильнее, чем по другим регионам страны. Особенно пострадало от бедствия Среднее Поволжье: в Саратовской и Самарской губерниях показатели неурожая и смертности населения были самыми высокими в России (Robbins, 1975: 185–189). Уровень заболеваемости и смертности от холеры 1892 года в этих губерниях, а также в менее пострадавшей от неурожая Астраханской губернии, тоже был самым высоким в империи (Clemow, 1893: 119).

Власти пытались остановить распространение болезни, вернувшись к ограничительным мерам, применявшимся во время первой эпидемии 1830–1831 годов: повсеместному строительству «холерных барakov» с принудительным помещением туда больных, ограничению свободы передвижения путем частичного возвращения к практике учреждения «карантинов» и ограничению торговли через недопущение на базары торговцев без медицинских свидетельств (Канищев, 2009: 282–283; Визе, 2011: 304). Как и в 1830–1831 годах, эти ограничительные мероприятия, вместе с непониманием населением медицинских практик борьбы с холерой, вызвали народное недовольство, распространение агрессивных слухов и массовые беспорядки (Колпенский, 1922: 105; Визе, 2011: 304–305).

В слухах лета 1892 года утверждалось, что представители гражданской и медицинской администрации, из своих корыстных побуждений и под предлогом борьбы с холерой, убивают простой народ. Среди причин таких «злодеяний» называлось, в частности, желание местных властей скрыть хищения продовольственной помощи населению или происки «англичанки» (королевы Виктории. — *А. Е.*), подкупившей врачей, чтобы погубить русский народ (Визе, 2011: 305, 309–310; Богданов, 2005: 393).

Первым звеном в цепи холерных волнений на Волге летом 1892 года стал холерный бунт в Астрахани 21–22 июня 1892 года. Во время беспорядков в городе толпа, недовольная санитарными мероприятиями местных властей и возбужденная слухами об отравлениях и захоронении живых людей, напала на медицинских работников, разгромила и сожгла холерную больницу, вытащив из нее пациентов, а также забросала камнями дом губернатора (Верейн, 1952: 351–352; Колпенский, 1922: 106–107). Толпа была рассеяна войсками с помощью огнестрельного оружия, однако в условиях продолжающегося интенсивного пароходного сообщения на Волге участники и очевидцы событий в Астрахани, главным образом из числа сезонных рабочих и маргиналов, стали двигаться вверх по реке, распространяя слухи и провоцируя новые беспорядки.

Ситуация с исходом населения из Астрахани после бунта в городе аналогична ситуации, которая произошла ровно за 61 год до этих событий, в двадцатых числах июня 1831 года, когда власти после знаменитого холерного бунта в Петербурге выслали из столицы тысячи сезонных рабочих, которые, также двигаясь по водным путям коммуникаций, стали источником холерных волнений в столичной и соседних губерниях (Егоров, 2024: 39–53).

Однако, в отличие от событий 1831 года, следующие по времени холерные волнения начались не последовательно, по мере удаления от начального пункта беспорядков, а практически одновременно в двух крупных очагах: в Астраханской губернии, достаточно близко к месту астраханских беспорядков, и в прилегающих друг к другу местностях Саратовской и Самарской губерний, расположенных от Астрахани на сотни километров выше по течению. Одновременное с Астраханской губернией начало беспорядков на Средней Волге объясняется тем обстоятельством, что пароходы с потенциально опасными пассажирами из Астрахани как бы «проскакивали», не останавливаясь, довольно безлюдные местности Нижней Волги, держа путь на вышележащие пристани Саратовской и Самарской губерний.

Крестьянские волнения в Нижнем Поволжье

Беспорядки в Астраханской губернии начались в конце июня 1892 года, составив первый крупный очаг крестьянских волнений

на Волге. Согласно официальным сообщениям, 29 июня 1892 года крестьяне села Соленое-Займище Черноярского уезда на сельском сходе постановили не пускать в село докторов и не принимать предохранительных «противопоносных» средств, присланных властями. Когда, узнав об этом, 30 июня в село на пароходе «Стрежень» прибыли исправник и судебный следователь и в волостном правлении стали разъяснять крестьянам необходимость санитарных мер, в здание правления ворвалась толпа женщин с криком: «Не хотим докторов, не хотим никаких лекарств, доктора морят людей, избить волостного старшину и писаря за то, что они слушают панов, а не наших мужиков». Находившихся в правлении крестьян, пытавшихся остановить женщин, последние стали бить палками по голове. Вскоре несколько женщин из толпы уговорили остальных позволить исправнику и следователю выйти из здания правления. В это же время другая толпа, состоявшая из мужчин и женщин, напала на «Стрежень», избива посланного на него полицейского, и была остановлена только струей воды из пожарного аппарата судна. Возвращаясь назад от парохода, толпа «остервеневшихся» женщин по неизвестной причине избива одного крестьянина, некоего Степана Плужникова, и затем постепенно разошлась по домам¹.

Примерно в это же время, согласно официальным сообщениям, жители села Марфино Красноярского уезда на сельском сходе также решили не выполнять распоряжение властей о принятии противохолерных мер и «высказали решительное намерение» не допускать в село представителей власти, «хотя бы пришлось прибегнуть им к оружию». Когда 1 июля в село на баркасе прибыли уездный врач, пристав и группа казаков, то их встретила толпа народа, состоявшая из «стариков, женщин, мужчин и детей». Народ потребовал от приехавших удалиться из селения; некто Фрол Сергеев заявил приставу: «Твой баркас уже надоел нам, пошел вон, и чтобы лучше от греха он больше не ездил к нам». Толпа, вооруженная камнями и палками, не допустила врача к больной, обзывая пристава, врача и казаков «разбойниками» и «ржавой рожей». Приехавшие были вынуждены отступить и удалиться. Когда баркас отходил от берега, толпа со смехом стала прощаться, требуя к ним больше не приезжать, свистела и кричала. Женщины с насмешкой махали отъезжающим платками².

Однако самые жестокие беспорядки произошли несколько позднее, 5 июля 1892 года, в селе Средне-Ахтубинское Царевского уезда. Вот что писал астраханский губернатор Тевяшов министру внутренних дел 28 июля 1892 года об этом событии: «Со времени принятия противохолерных мер, в среде крестьян снова стало замечаться неудовольствие против чинов полиции и медицинского

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 144–145.

2. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 145–146 об.

персонала; неудовольствие это возросло с наплывом иногородних крестьян, приходящих в село для найма на полевые работы. С появлением в селе 1-го июля больных холерою иногородние рабочие распространили слух, что народ мрет не от холеры, а от бросаемого в колодцы яда. Из числа подстрекателей запасной рядовой, из крестьян Пензенской губернии, Иван Полинцев 4-го июля, вечером, открыто возбуждал население против властей; за что полицейский урядник Белитченко арестовал его, предполагая на следующий день отправить к становому приставу в с[лободу] Рахинку. 5 июля утром, к волостному правлению сошлись иногородние крестьяне и требовали освобождения Полинцева из-под ареста. К ним присоединилась толпа из местных крестьян, из числа которых: Коронов, Мясников и Фетисов, состоящие под судом за кражи, приняли деятельное участие в подстрекательстве к бунту. Тогда толпа с криком ворвалась во двор арестантского помещения и освободила арестованного Полинцева. После этого толпа направилась в волостное правление, где находились полицейский урядник и фельдшер. Изломав часть забора и выбив стекла в окнах, толпа ворвалась в управление, где избивала почти до полусмерти урядника и фельдшера. Предполагив, что они убиты, толпа бросилась на аптеку. Так как окна и двери были закрыты с улицы железными ставнями, то из толпы кто-то перелез чрез ворота и отворил их. Толпа нахлынула на двор, разбила окна и двери аптеки со двора и напала на аптекаря Янсена, избивала его, и он тут же умер. Покончив с аптекарем, толпа ворвалась в аптеку, уничтожила медикаменты и разграбила имущество убитого Янсена»³.

Крестьянские волнения в Среднем Поволжье

Беспорядки в Среднем Поволжье начались практически одновременно с крестьянскими волнениями на Нижней Волге, составив второй крупный очаг беспорядков. Уже 26 июня 1892 года саратовский губернатор Мещерский отправил министру внутренних дел Дурново тревожную телеграмму: «Астраханский губернатор выслал на пароходе Ниагара триста взбунтовавшихся. Пароход прибыл [в] Царицын, на берег не допущен, снято шесть трупов, есть больные. Директор (департамента водяных и шоссейных сообщений. — *А. Е.*) Фадеев приказал никого не высаживать, ехать прямо [в] Саратов. Царицынский полицмейстер телеграфирует: положение города тревожное, следует немедленно выслать батальон, беспорядки неизбежны. Прошу полномочий. Здесь спокойно, на берег не пушу, если не получу приказания. Сейчас уведомлен, что рота отправлена [в] Царицын, куда придут, сегодня, еще два паро-

3. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 101–103.

хода из Астрахани с беспокойным элементом»⁴. Согласно другим официальным сообщениям этого времени, угроза массовых беспорядков возникла и в других местах южной части Саратовской губернии: Камышине и Дубовке⁵.

Однако действительные беспорядки начались еще выше по течению Волги. Через два дня после телеграммы Мещерского, 28 июня, вспыхнул холерный бунт в самом Саратове, который по масштабам, возможно, даже превосходил масштаб астраханских беспорядков. Толпа, возбужденная слухами о том, что народ отравляют и хоронят заживо, начала преследование врачей и полицейских, убила случайных прохожих, избивала несколько полицейских служителей, разгромила квартиры нескольких врачей, аптеку и полицейский участок, довершив свой погром разгромом и сожжением холерной больницы, которое сопровождалось, как и в Астрахани, выносом больных из здания больницы. Одновременно с этим погромщики в больнице вскрывали гробы в поисках живых людей. Собравшаяся толпа была рассеяна войсками с применением огнестрельного оружия (Henze, 2011: 87–89; Визе, 2011: 306–308).

В это же время, в конце июня, по прилегающим к Волге уездам Саратовской и Самарской губерний стали распространяться слухи о том, что врачи отравляют народ и хоронят его заживо, рассказы об уже случившихся беспорядках в Астрахани и Саратове, а также молва о якобы предстоящих беспорядках, во время которых будут сжигать больницы⁶.

В течение нескольких дней после саратовского бунта по Саратовской и Самарской губерниям прокатилась целая череда холерных беспорядков в городах и сельской местности. Они были локализованы рядом с самим Саратовом, а также в Саратовском и Хвалынском уездах Саратовской губернии и смежном с ними Новоузенском уезде Самарской губернии на противоположном берегу Волги. Указанные местности находились рядом с Вольском, Балаково и Хвалынском, пристани которых были специально определены властями как места высадки больных с пароходов и барж⁷. Учитывая, что пароходы шли из пораженной слухами и беспорядками Астрахани, последствия были предсказуемыми: приставшие к берегу пассажиры быстро возбуждали местное население к беспорядкам.

Ситуация усугублялась тем, что поток беженцев из Астрахани, шедший на север вверх по Волге, сталкивался на самой реке, речных пристанях и селениях с потоком сезонных рабочих и переселенцев из губерний Верхнего Поволжья, шедших навстречу по направлению к Астрахани, откуда они направлялись в Баку

4. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 1–1 об.

5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 17.

6. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 50 об. — 51; Ч. 2. Л. 140–141; Ч. 5. Л. 150 об.

7. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 237–237 об.

и Закаспийскую область⁸. Скопления масс людей, идущих навстречу друг другу вдоль Волги, а также большое количество работавших на строительстве железных дорог в прилегающей к реке местности⁹, создавали в условиях распространения холеры и недоверия к санитарным мерам особо опасную ситуацию, чреватую массовыми беспорядками.

Практически одновременно с бунтом в Саратове, 28 июня, начались беспорядки в расположенной рядом с городом Монастырской слободке Саратовского уезда. В этот день из Саратова в слободу приехали крестьяне Степан и Евсей Рамзаевы и стали рассказывать местным жителям о том, что они присутствовали при разгроме холерной больницы в Саратове и были свидетелями «убийств врачей и полицейских чинов и восстания из гробов погребенных заживо врачами людей». Собравшаяся толпа народа обыскала фельдшера Богачева, требуя от него «пузырьки с ядом, которыми он отравляет народ, а затем разгромила его квартиру и сожгла его вещи и медикаменты, перед этим бросив лекарства собакам, с целью убедить в наличии яда. Также толпа намеревалась убить урядника Сеина, обвинив его в выдумывании 60 случаев холеры в слободе, но не нашла его. В 3 часа дня в слободу из Саратова на телеге приехал извозчик Николай Морозов, встал у дороги и стал пытаться обыскивать проезжавших из Саратова дачников, называя их «докторами». Приехавший в слободку 29 июня становой пристав Крылов не смог провести дознание, поскольку окружившая его толпа требовала, чтобы в слободке не было «ни доктора, ни фельдшера, иначе их убьют», и чтобы урядник не смел доносить врачам о «мнимых» холерных заболеваниях¹⁰.

Также 28 июня накалилась обстановка в Покровской слободе, крупном селе в Самарской губернии, расположенном напротив Саратова, на противоположном берегу Волги. Еще утром ситуация в слободе была спокойной, народ собрался на молебне «о ниспослании Божией помощи для избавления от холеры». Однако уже днем в слободу стали приходить пароходы и лодки из Саратова со слухами о холерном бунте в городе и о том, что там «врачи морят людей и хоронят живых, а аптеки приготавливают яд для отравления». Слухи из Саратова резко изменили настроение людей в слободе, как местного населения, так и приехавших сезонных рабочих¹¹, которые прорвали карантин на острове и вышли в слободу¹².

8. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 30–31.

9. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 113–114 об., 117–117 об.

10. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1494–1499, 1262–1262 об. URL: <https://www.prilib.ru/item/1832409?mode=full> (дата доступа: 05.10.2025).

11. Товарищ министра юстиции Горемыкин в докладе Александру III назвал их «бурлаками».

12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: <https://www.prilib.ru/item/1832409?mode=full> (дата доступа: 05.10.2025).

Открытые беспорядки в слободе начались 29 июня после утренней службы, когда толпы народа собрались на базаре. Поводом к беспорядкам послужила смерть сезонного рабочего после приема выписанных фельдшером Катиным гофманских капель и случай с холерным больным, который «был вывален» из санитарной повозки в протоку. В толпе закричали о том, что врачи и фельдшеры нарочно отравили воду, чтобы заразить все население. Толпа с криком «бей их, травителей» преследовала ехавшего на извозчике врача Петухова, но ему удалось скрыться. После этого толпа разгромила квартиру фельдшера Катина, самого его избива и таскала по слободе, подозревая его в том, что он был подкуплен врачами отравлять народ. После этого, бросив Катина на улице, толпа со свистом и криками «бей всех» разгромила земскую больницу, аптеку и квартиры врача Алмазова и фельдшера Косовского¹³.

К полуночи толпа «с песнями» покинула больницу, а затем разошлась в разные стороны, разделившись на группы. Часть погромщиков ходила по слободе и ловила встречных прохожих, принимаемых за врачей. Другая часть погромщиков ходила к дому исправника, но не нашла его. Утром 30 июня в слободе вновь собралась толпа сезонных рабочих, «с которой смешались и некоторые из местных жителей». Погромщики потребовали у полиции осмотреть помещения старьевщика Баранова, которого якобы подкупил железнодорожный подрядчик Солянов «травить народ», дав ему «яду, положенного старьевщиком в кадучку с квасом». Один из лидеров погромщиков, сиделец винной лавки Федор Дворников, пытался ворваться в квартиру земского начальника Кругликова. В 4 часа вечера в слободу вошли войска из Саратова и беспорядки прекратились: толпа, увидев солдат, разбежалась в разные стороны¹⁴.

В этот же день, 30 июня 1892 года, вспыхнули беспорядки в городе Хвалынске Саратовской губернии. Вооруженная кольями толпа убила санитарного врача Молчанова, обвинив его в отравлении источников воды, а также разгромила дома городского головы Васильева, членов городской управы и санитарных попечителей, угрожая при этом расправой и полицейским служителям. Город был во власти толпы в течение нескольких дней, поскольку должностные лица и чины полиции бежали из города или заперлись в тюремном остроге. Только вечером 3 июля в Хвалынск прибыли военные подразделения¹⁵.

Беспорядки распространялись и вглубь приволжских уездов, на территории уже довольно удаленные от реки. В Саратовском

13. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: <https://www.prilib.ru/item/1832409?mode=full> (дата доступа: 05.10.2025).

14. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: <https://www.prilib.ru/item/1832409?mode=full> (дата доступа: 05.10.2025).

15. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1500–1511 об. URL: <https://www.prilib.ru/item/1832409?mode=full> (дата доступа: 05.10.2025).

и Хвалынском уездах крестьяне на сельских сходах принимали решение не принимать противохолерных мер и не пускать к себе в селения врачей и представителей власти¹⁶, угрожали «начальникам и полиции»¹⁷, а также обещали врачам «разделаться с ними по-саратовски», вследствие чего врачи, согласно официальным сообщениям, бежали из деревень¹⁸. А из деревни Дворянской Терешки уехали все помещики, «боясь проявления народной необузданности»¹⁹. Кульминацией напряженности в этих уездах стали действия в Саратовском уезде: сожжение крестьянами больницы в селе Язовке²⁰, попытка нападения на врача, избивание фельдшера и разгром аптеки в Курдюме, а также нападение на аптеку в Сокуре²¹.

2 июля 1892 года Петр Давыдов, землевладелец села Благодарного в Хвалынском уезде, комментируя беспорядки в Хвалынске и ситуацию в уезде, писал в своем тревожном письме министру внутренних дел следующее: «Мы все находимся под мечом этой бунтующей черни, почему вызываем о помощи, так как сношение крестьян деревень с Хвалынском весьма пагубное, и может бунт охватить весьма большой район, если не будут взяты немедленно самые строгие меры»²².

Беспокойно было и на противоположном берегу Волги, в Самарской губернии. Там в селе Липовке Новоузенского уезда крестьяне были взволнованы дошедшей до них молвой о беспорядках в Хвалынске и решили, по слухам, сделать подобное: произвести беспорядки, убить пристава, доктора, земского начальника и некоторых землевладельцев. Подобные настроения крестьян вызвали отъезд части «интеллигентной» публики из данной местности²³.

3 июля вспыхнули беспорядки в селе Балаково Самарской губернии, расположенном недалеко от города Вольска на противоположном берегу Волги. Согласно сообщению самарского губернатора в Департамент полиции, население Балакова слышало о беспорядках в Астрахани, Саратове и Покровской слободе и было недовольно врачебными мерами против холеры, и в первую очередь строительством на средства местных купцов холерного барака на берегу Волги. Звучали угрозы, что «они не так сделают», как в Саратове: «Там войска близко, а тут — пока еще его вышлют, все Балаково разнести можно, камней на улице, по случаю работ по замощению улиц, много. Если пойдут санитары, то нужно приготовить

16. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 25, 115–116, 117 об., 119.

17. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 25.

18. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 71.

19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 119.

20. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 68 об.

21. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 54.

22. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 59 об.

23. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 1. Л. 142.; Ч. 2. Л. 140–141.

вилы, колья и как войдут во дворы, то убивать. Как выстроится барак — разбить таковой»²⁴.

В селе началась паника. 3 июля, на следующий день после постройки здания холерного барака, группы агрессивных людей, собравшись на улицах, стали громко высказывать угрозы против земского врача Цветкова, местных купцов, пожертвовавших деньги на строительство барака, а также против полицейского пристава Ястребова. Согласно одному официальному сообщению, на 5 июля были назначены решающие беспорядки, с указанием лиц, которые будут убиты. Врач и пристав были вынуждены уехать, предупрежденные, что будут убиты первыми. Полицейские и урядник также отказывались служить ввиду угроз лишить их жизни. В результате беспорядков, по требованию толпы, купцы приказали подрядчику разобрать почти готовый холерный барак. В 6 часов утра 4 июля в Балаково были введены две роты для восстановления порядка²⁵.

В самом Вольске также ожидалось волнения; беспорядки, согласно слухам, были назначены на 6 июля, то есть на сутки спустя после даты ожидаемых беспорядков в Балакове, однако благодаря вводу войск и судебному преследованию 6 человек, распространявших слухи с призывом противодействовать противохолерным распоряжениям правительства, беспорядки в городе были предотвращены²⁶.

Следует отметить, что после беспорядков в Балакове крупных эпизодов волнений в Поволжье больше не было, поскольку на пристанях и селениях вдоль Волги стояли военные подразделения и казаки²⁷, однако в течение всего лета в уездах, прилегающих к реке по всему течению Волги, все равно вспыхивали небольшие инциденты, которые были частью холерной паники, охватившей обширные районы Поволжья. Источником беспорядков часто были крестьяне, вернувшиеся из Астрахани, или члены команд судов, ходивших по Волге, ставшей одним из главных каналов передачи агрессивных слухов. Высаживаясь на берегу, эти люди рассказывали местным жителям о том, что в Астрахани врачи под предлогом борьбы с холерой морят людей и хоронят их заживо, чему якобы сами были свидетелями²⁸. При этом волнения распространялись выше по течению Волги — на север Самарской, а также в Симбирскую, Казанскую и Нижегородскую губернии.

Среди этих сравнительно незначительных инцидентов следует выделить беспорядки в селе Головкино Ставропольского уезда Самарской губернии, которые получили некоторую известность бла-

24. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 239.

25. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 140–141; Ч. 5. Л. 235 об., 236 об., 237–237 об., 238–238 об., 239–239 об.

26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 70.

27. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 105.; Ч. 5. Л. 93.

28. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 187–187 об., 229–229 об.

годаря воспоминаниям современников²⁹. Согласно официальным данным, в конце июня, с появлением холеры в селе, крестьяне, собравшись на сходе, стали говорить о том, чтобы не пускать в село врачей и фельдшеров, а 12 июля потребовали от фельдшера Попова уехать из селения. По селу ходили слухи, что холеру распространяют помещики, священники, доктора и полиция, что ночью двое человек, одетых в белые штаны³⁰, «пускали холеру» в селе, а местный священник Тихов «один раз объехал вокруг села, чтобы вызывать появление холеры»³¹. Крестьяне отказывались выполнять противохолерные мероприятия, в частности, не выносили покойников в закрытых гробах³².

Кульминацией же напряженности в Головкине стали события 15 июля. В тот день поздно вечером в село приехали двое рыбаков с берега Волги, Набатов и Потехин, которых вызвал к себе командированный для борьбы с холерой урядник Москалёв для выяснения обстоятельств смерти от холеры их товарищей по артели. Рыбаки стали переходить от одного двора к другому, пытаясь узнать, где найти въезжую, в которой остановился урядник. Жители села уже спали и неохотно отвечали на вопросы незнакомцев. Наконец, один из домохозяев заговорил с гостями, однако почти сразу закричал: «Поймал, холеру носят!» Собравшаяся толпа в 200 человек задержала рыбаков и избила их. Затем толпа стала преследовать урядника, заставив его спрятаться на сеновале въезжей квартиры. Выстрелив из револьвера, урядник сумел уйти от преследования. После бегства урядника толпа разбила окна в самой въезжей квартире, а затем собиралась бить в набат на церкви, на том основании, что «урядник перебил много народа»³³.

Участники беспорядков в Головкине были недовольны тем, что некоторые крестьяне уклонялись от участия в коллективных действиях, и даже подозревали их в сговоре с «отравителями». Так, участник беспорядков крестьянин Тарасов говорил: «Вот Беспаловы не идут, а их — три брата! Один служит у господ: видно, заодно с ними народ морят». Еще один односельчанин, хозяин въезжей Акутенков, был избит за помощь уряднику. Кроме того, участники беспорядков подозревали не только урядника и фельд-

29. О беспорядках в Головкине писали в своих воспоминаниях бывший министр земледелия А. Н. Наумов и врач А. Паевская (Наумов, 1954: 116; Паевская, 1903: 154–155).

30. В. Г. Короленко в своем очерке о холерной эпидемии 1892 года упоминает о подобном слухе (Короленко, 1914: 391–392).

31. Согласно народным представлениям, демоны болезни могли распространять ее, обходя вокруг села, или приняв облик священника, или одевшись в белое и ходя по ночам (Славянские древности, 1995: 226; 2004: 296–297). Слух же о злоумышленниках, ходивших по деревням и отравлявших все вокруг, сформировался еще во время холерной эпидемии 1831 года.

32. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 3–4.

33. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 4 об., 6 об. — 7, 8, 10.

шера, но и сельского старосту и сотских в злом умысле: «Отчего сотские не умирают холерой? Видно, они-то и морят народ!» Утром 16 июля крестьянин Андрей Чинилкин, представляя толпу в 200 человек, потребовал от волостного старшины Шамаева снять со старосты должностной знак, с намерением заковать старосту в кандалы³⁴.

26 июля 1892 года, сравнительно недалеко от Головкина, в селе Мулловке того же Ставропольского уезда местный крестьянин Василий Арканников, находясь в винной лавке, заявил присутствующим, что холера — это не божье наказание, а результат действий сельского старосты и священника, которые «народ морят». Арканников добавил к этому, что священник якобы ночью, «по огородам», «к воде шляется» (очевидно, с целью ее отравления. — *А. Е.*), и угрожал расправиться со старостой и священником. Когда Арканникову напомнили, что противохолерные мероприятия проводятся правительством, то он в ответ заявил: «Е... я хочу правительство!» Когда Арканникова задержали и повели в арестантскую при волостном правлении, то вокруг него собралась большая толпа односельчан с криками: «За что арестовали его? Он правду говорит!» Крестьянин Андрей Ведешин закричал в толпе: «Чего вы на них смотрите? Валяй их! Бей их!» Волостному старшине только тогда удалось остановить толпу, когда он достал находившийся при нем револьвер³⁵.

Выяснилось, что незадолго до этих беспорядков в селе стали распространяться слухи о том, что врачи, священники и власти, действуя заодно, морят людей, подкупленные для этого Англией с целью «ослабить могущество России». В народе говорили, что священник ездил в Самару незадолго до начала холеры в селе именно с целью получения денег и за каждого умершего «от холеры» он получает 30 рублей³⁶.

Точный источник таких слухов следствию определить не удалось. Однако выяснилось, что в самом начале холеры в Мулловку приходил один старик-богомалец, странствующий по святым местам, и рассказывал местной крестьянке, что во времена крепостного права он сам «пускал холеру», и что теперь он все силы посвятил на то, чтобы замолить свои грехи³⁷.

Богомалец не был найден, однако становой пристав нашел на дороге неподалеку от посада Мелекес, рядом с которым расположена Мулловка, анонимное воззвание, в котором народ призывали сопротивляться властям. Воззвание объясняло распространение холеры согласованными происками гражданских и духовных властей, которые, вместе с преследующими финансовую выгоду «попа-

34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 5 об. — 6, 7 об., 8.

35. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 205–207, 257–262.

36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 257–257 об.

37. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 257 об.

ми», морили народ, поскольку он не шел теперь на барщину. Чтобы справиться с холерой и не «пропасть как червь», народ, согласно тексту воззвания, должен был повиноваться богу и царю, но не пускать к себе врачей, а в случае настойчивости последних — бить «начальство, попов и докторов»³⁸.

Неспокойно было и в Сызранском уезде Симбирской губернии. Там 16 июля начались беспорядки в селе Усинское. Как и в Головкине, в этом селе был поставлен вопрос о смене местной власти. С появлением холеры в селе среди населения стали распространяться слухи о том, что холеру разносят по дворам и полям разные должностные лица и близкие к ним люди в самом селе. Жители села, руководимые авторитетным крестьянином Даниилом Зиминим, самовольно собрались на сельский сход и приняли решение: не допускать дезинфекции в домах, а должностных лиц, врачей и фельдшеров изгонять из села или убивать. Крестьяне потребовали от земского начальника устранения от должности волостного старшины, сотского, сторожей при волостном правлении и караульщиков при пожарном обозе, которых они подозревали в том, что они подкуплены и распространяют холеру вместе с врачом, фельдшером и «другим начальством»³⁹. Когда земский начальник уехал, толпа обвинила и его самого в распространении холеры, бросилась на сотского, нанесла ему побои и камнем проломила голову. Затем сельский сход заменил волостного старшину и арестовал избитого сотского, волостного судью, караульщиков и сторожей; их заменили другими лицами⁴⁰.

Выводы

1. Начальным пунктом холерных волнений в Поволжье была Астрахань, холерные беспорядки в которой вызвали исход сезонных рабочих и маргиналов из города, которые на своем пути на пароходах вверх по Волге распространяли агрессивные слухи и провоцировали новые беспорядки в местах, где пароходы приставали к берегу. Как и в 1831 году, водные пути играли особую роль в эскалации беспорядков, поскольку навигация по Волге не прекращалась. Пароходное сообщение, будучи само зараженным холерной паникой — члены экипажей стремились покинуть свои суда, — распространяло слухи и беспорядки вверх по Волге с юга на север. Ситуация усугублялась встречным потоком рабочих, идущих с севера на юг, что создавало опасные скопления на волжских пристанях. Не способствовала стабилизации обстановки и некоторая несогласованность и недоверие между властями волжских губер-

38. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 168–169.

39. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 124–125.

40. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 124–125, 146 об.

ний: Саратовский и Симбирский губернаторы косвенно обвиняли в беспорядках Астраханского губернатора, который якобы выслал бунтовщиков на пароходах вверх по Волге⁴¹.

2. Важным фактором волнений была плотная среда агрессивных слухов. По сравнению с 1831 годом, холерные слухи 1892 года распространялись быстрее и разнообразнее. Этому способствовали новые средства коммуникации и связи: пароходное и железнодорожное сообщение, телеграфная и телефонная связь, большое количество газет, публиковавших информацию о происшествиях. При этом содержание слухов, равно как и ход самих беспорядков, было в целом аналогично слухам и беспорядкам холерного 1831 года: те же враги в лице врачей, полиции, чиновников и в целом «господ», которые, по своей инициативе или будучи подкупленными, под предлогом холеры убивали народ. В роли подкупающей стороны могли выступать не только русские: если в 1831 году это были поляки, то в 1892 году это была «англичанка». Реакция на эти слухи также была вполне традиционной: отказ от принятия санитарных мер, нападения на больницы и медицинский персонал, подозреваемый в убийствах пациентов в больницах, а также нападения на других людей, подозреваемых в отравлении населения ядом.

3. В территориальном отношении крупные холерные беспорядки на Волге образовали два основных очага: первый включал в себя селения Астраханской губернии, второй — смежные уезды Саратовской и Самарской губерний. Волнения в обоих очагах начались одновременно, несмотря на большую разницу в расстоянии от Астрахани. Это можно объяснить тем, что основная масса агрессивных элементов миновала районы Нижней Волги в Астраханской губернии на пути к пристаням в Саратовской и Самарской губерниях, где и произошли основные беспорядки.

4. По содержанию и составу участников крестьянские холерные волнения на Волге можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести волнения, вспыхнувшие в «средневожском» очаге: Монастырской слободке, Покровской слободе и Балакове, а также, с оговорками, беспорядки в Средне-Ахтубинском на Нижней Волге. Эти волнения были вторичными по отношению к городским беспорядкам, образуя с ними единый комплекс: сначала начинались беспорядки в расположенных рядом городах, а затем уже они через слухи и перемещение людей перекидывались на соседнюю сельскую местность. В таких волнениях движущей силой была толпа, состоявшая из пришлого и местного населения, при ведущей роли пришлого населения — сезонных рабочих. Такие беспорядки отличались достаточно высоким уровнем агрессии и разрушений. Крестьянские волнения первой группы отличались от соседних городских беспорядков только по количеству участников и размерам

41. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 1.; Ч. 1. Л. 109.

ущерба, являясь по своему существу погромами, и могут называться собственно крестьянскими только по месту действия.

Во второй группе волнений, в местах, территориально более удаленных от городов и/или от Волги — в Соленом-Займище, Марфине, Головкине и других, — инициаторами беспорядков были сами местные жители, при слабом или нулевом влиянии извне. Часто они санкционировались решениями сельских сходов и отличались более высоким уровнем контроля над насилием: крестьяне демонстрировали готовность договариваться (жители Марфина даже предлагали вынести стол на берег реки для решения чиновниками дел, если они «не касались вопроса о болезни»), убийств не было, а избиения не были жестокими. Беспорядки второй группы можно определить как крестьянские волнения в полном смысле этого слова.

5. При этом в некоторых волнениях второй группы можно увидеть зарождающийся внутренний конфликт между рядовым крестьянством и представителями местной администрации, причем крестьяне могли воспринимать в качестве своего противника даже максимально близких к ним по статусу представителей сельской власти: сельского старосту и сотских.

6. В целом можно заключить, что по сравнению с городами традиционные крестьянские сообщества Поволжья проявили больший иммунитет как к воздействию слухов о злом умысле властей и медицины, так и к призывам убивать «врачей-убийц». Сезонные рабочие и маргинальные элементы в городах и «капиталистических» селах, будучи крестьянского происхождения, но уже оторванные своими занятиями от традиционной деревни, представляли для общественного порядка гораздо большую опасность.

Библиография

- Богданов К. А. (2005). Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ.
- Вереин Л. Е. (1952). Холерный бунт 1892 г. в г. Астрахани // Труды Астраханского государственного медицинского института. Т. 10. С. 344–354.
- Визе Ш. (2011). Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Нарский И. В. (ред.). Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс. С. 300–320.
- Егоров А. К. (2024). Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года // Крестьяноведение. Т. 9. № 1. С. 39–53.
- Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев В. В. (2009). Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина.
- Колпенский В. (1922). Холерный бунт в 1892 году // Архив истории труда в России. Петроград. Кн. 3. С. 104–113.
- Короленко В. Г. (1914). В холерный год // Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. СПб.: Тов. А. Ф. Маркс, Т. 3. С. 369–421.
- Наумов А. Н. (1954). Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой.

- Паевская А. (1903). Командировка на холеру. Из записок женщины-врача // Русское богатство. № 7. С. 121–169.
- Славянские древности (1995). М.: Международные отношения. Т. 1.
- Славянские древности (2004). М.: Международные отношения. Т. 3.
- Фурсов В. Н. (1991). Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний по реформенной России. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Clemow F. (1893). The Cholera Epidemic of 1892 in the Russian Empire. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences.
- Cohn S. (2018). Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS. N.Y.: Oxford University Press.
- Frieden N. (1981). Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton: PUP.
- Friedgut T. (1987). Labor violence and regime brutality in tsarist Russia: The luzovka cholera riots of 1892 // Slavic Review. Vol. 46. № 2. P. 245–265.
- Henze C. (2011). Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1924. London: Routledge.
- Robbins R. (1975). Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. N.Y., London: Columbia University Press.
- Sahadeo J. (2005). Epidemic and empire: Ethnicity, class, and "civilization" in the 1892 Tashkent cholera riot // Slavic Review. Vol. 64. № 1. P. 117–139.

Peasant unrest in the Volga Region in the summer of 1892

Alexander K. Egorov, PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University. Lenin St., 33, Petrozavodsk, 185910, Russia; Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910, Russia. E-mail: akegorov@yandex.ru

Abstract. The article considers the peasant unrest in the Volga Region during the cholera epidemic in the summer of 1892. Peasant uprisings began in communities along the Volga upstream — in the Astrakhan, Saratov, and Samara Provinces — soon after the cholera riots had ended in Astrakhan on June 22, 1892, and migrant workers had fled the city. Peasants refused to implement anti-cholera measures, denied officials and medical personnel entry to their villages and attacked those suspected of malicious intent against the people. The unrest was fueled by rumors of criminal abuse by officials and doctors who allegedly accepted bribes to kill people in hospitals or poisoned water and food supplies. The spread of rumors was facilitated by heavy shipping traffic on the Volga, which enabled potential instigators to move upriver quickly, which is why the 1892 riots broke out almost simultaneously in two main centers of unrest — in the Lower and Middle Volga regions. In 1892, there were two types of peasant riots by intensity and social composition: first, essentially a continuation of riots in the nearby cities of Saratov and Khvalynsk, which involved different social groups, both locals and migrants, and were characterized by extreme violence and many casualties; second, peasant unrest sparked by independent actions of the local population, without the involvement of outside elements, which was less aggressive and not accompanied by killings. Unlike seasonal workers and marginalized urban groups, the traditional peasantry of the Volga Region showed relative resilience to inflammatory rumors.

Key words: epidemic, cholera, rumors, poisoning, panic, violence, communication, transport routes, Volga Region

References

- Bogdanov K. (2005) *Vрачи, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kultury XVIII–XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic Texts of Russian Culture in the 18th — 20th Centuries], Moscow: OGI.
- Clemow F. (1893) *The Cholera Epidemic of 1892 in the Russian Empire*, Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Cohn S. (2018) *Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS*, New York: Oxford University Press.
- Egorov A. (2024) Krestyanskie volneniya na Severo-Zapade Rossii letom 1831 goda [Peasant unrest in the North-West of Russia in the summer of 1831]. *Russian Peasant Studies*, vol. 9, no 1, pp. 39–53.
- Frieden N. (1981) *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*, Princeton: Princeton University Press.
- Friedgut T. (1987) Labor violence and regime brutality in Tsarist Russia: The Iuzovka cholera riots of 1892. *Slavic Review*, vol. 46, no 2, pp. 245–265.
- Fursov V. (1991) *Klassovaya borba v derevne tsentralno-chernozemnykh gubernij poreformennoj Rossii* [Rural Class Struggle in the Post-Reform Russian Black-Earth Provinces], Voronezh: Izd-vo VGU.
- Henze C. (2011) *Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1924*, London: Routledge.
- Kanishhev V., Meshcheryakov Yu., Yakovlev V. (2009) *Tambovsky bunt 1830 g. v kontekste kholernykh krizisov v Rossii XIX veka* [Tambov Cholera Riot of 1830 under the Russian Cholera Crises of the 19th Century], Tambov: Izdatelsky dom TGU im. G. R. Derzhavina.
- Kolpensky V. (1922) Kholerny bunt v 1892 godu [Cholera Riot of 1892]. *Arkhiv Istorii Truda v Rossii*, vol. 3, pp. 104–113.
- Korolenko V. (1914) V kholerny god [In the year of the cholera epidemic]. *Polnoe sobranie sochinenij*, Saint Petersburg: Tov. A. F. Marks, vol. 3, pp. 369–421.
- Naumov A. (1954) *Iz utselevshih vospominanij, 1868–1917* [From the Surviving Memories, 1868–1917]. New York: Izd. A. K. Naumovoj i O. A. Kusevitskoj.
- Paevskaya A. (1903) Komandirovka na kholeru. Iz zapisok zhenshhiny vracha [A mission to the cholera-stricken area. From the notes of the female doctor], *Russkoe Bogatstvo*, no 7, pp. 121–169.
- Robbins R. (1975) *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*, New York; London: Columbia University Press.
- Sahadeo J. (2005) Epidemic and empire: Ethnicity, class, and “civilization” in the 1892 Tashkent cholera riot. *Slavic Review*, vol. 64, no 1, pp. 117–139.
- Slavyanskije drevnosti* (1995) [Slavic Antiquities], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 1.
- Slavyanskije drevnosti* (2004) [Slavic Antiquities], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 3.
- Verein L. (1952) Kholerny bunt 1892 g. v g. Astrakhani [Astrakhan cholera riot of 1892]. *Trudy Astrakhanskogo Gosudarstvennogo Meditsinskogo Instituta*, vol. 10, pp. 344–354.
- Vize Sh. (2011) Slukhi i nasilie: kholernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and violence: Saratov cholera riots of 1892]. *Slukhi v Rossii XIX — XX vekov. Neofitsialnaya kommunikatsiya i “krutye povoroty” rossijskoj istorii*. Ed. by I. Narsky, Chelyabinsk: Kamenny poyas, pp. 300–320.